

12 кру203ор 68

РОМАН С АРКТИКОЙ

Два ледокола встретились
в Северном Ледовитом.

Надо лететь на обед.
Такси подано.

Заслуженный
летчик-испытатель СССР
В. П. Колашенко работает
и в тропиках,
и в Антарктиде, и в Арктике.

Серьги в подарок на 81-м
градусе северной широты...

Совершенно не смешно,
когда видишь медведя
без решетки.

С Земли Франца-Иосифа, откуда к полюсу нет никакой суши, один только унылый океан, то покрытый битым льдом, как кафельной плиткой, то заметенный снегом, как февральские поля Оренбуржья; из Арктики, откуда к югу располагается вся населенная планета,— события и люди Большой земли из Арктики предстают в ином, необычном свете: значительнее, важнее. Ну что, скажем, для жителя Москвы троллейбусный маршрут номер сорок два? Ничего особенного. Транспорт. В Арктике троллейбус номер сорок два представляется голубым видением совершенно недоступного мира, сверкающим и радостным. Когда на зимовке смотрят кино, то прежде всего обращают внимание, какая погода за окном, что едят герои, что курят. Иной раз часть, в которой актеры режут арбуз, прокручивается дважды.

Океан—с частыми следами сытых летних медведей, с коричневыми ложбинами нерпих лежбищ, с красными пятнами кровавых пиршеств, с неожиданными озерами, с черными трещинами, которые молниеносно пробегают от носа ледокола по госпитальной белизне... Лед вздымается у бортов, выставя напоказ голубые сколы полей.

Арктика — для сильных людей. Арктика — для мужественных кораблей. Она заселена ими от мыса

Дежнева
до мыса
Мэри Хармсуорт.

Она так необъятна, что дом, сколоченный из горбыля и обшитый толем, выглядит, как небоскреб. Она такая «маленькая», что пилоты ледовой разведки завтракают в Шереметьеве, а кофе пьют на траверсе острова Грем-Белл. Здесь работают счетные машины, метеорологические ракеты. Здесь, на зимовках, по четверо суток отстреливаются через форточки от медведей.

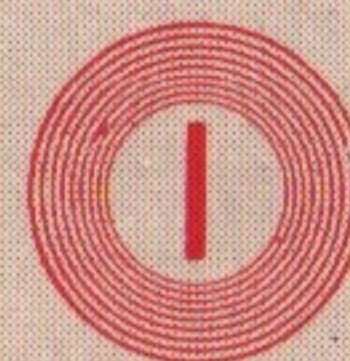
Арктика сродни космосу: не принимает экскурсантов, ее жители — рабочие...

Ю. ВИЗБОР,

наш специальный корреспондент.

Земля Франца-Иосифа — Москва.

Фото автора.

Отрывок из арктического дневника—на пластинке.

И ОЖИВАЕТ СТАРИНА

«Бессмертная душа народа», — сказал А. Довженко об украинском танце. Но только ли о нем?..

Человек издавна привык, венчая свои удачи, выплескивать душу в веселье — ярком, стоголомом, неповторимом. Родившееся когда-то и отобранное поколениями, веселье это становится потом обрядом, традицией. Наряд, сбереженный от прабабки и не превратившийся в повседневную одежду, украшенная лентами русская тройка, отчаянный ритм свадебной пляски — то, что вынесено на цветной разворот журнала. (Фото Б. Кузьмина.) Таинственная приподнятость сказок и обычаев гоголевской Диканьки — на седьмой звуковой странице и в публикуемом очерке.

Касаюсь плечом шершавого ствола. Колючий комок, шелестнув по листьям, падает к ногам и распадается, высвободив два маслянисто-коричневых каштана. Позже они потускнеют, съежятся. И Леня, мой спутник, скажет:

— Высадить — прорастут? Хорошо бы: в Москве, у порога — каштаны из Диканьки...

Сумрачно, хотя и не вечер еще. За гребенкой поределого верболоза угадывается силуэт хаты; тихо светит низкое окно. Минута, другая... вот тягуче заскрипят ставни, вскрикнет петух — и начнет твориться милая сердцу чертовщина, которую наговорил Гоголю Рудой Панько...

— Не со мной было, брехать не хочу, с моим соседом, но чистая правда! Как вечер, часов с девяти до десяти в хате берет — и кидает, берет — и кидает. Кликнул он меня, еще мужиков и баб, сидим ждем, а оно и верно: берет — и кидает. Ведро взяло в сенях — и перевернуло, а потом в окно — бух, бух! И не день, с неделю такое было...

— И чем кончилось?

— Позвали соседа в милицию.

— Помогли?

— Нет. Но кидать перестало...

Если бы рассказали мне эту историю, предположим, в Москве, на Гоголевском бульваре, я, может, и не поверил бы в нее. Но в том-то и дело, что услышал я ее на хуторе близ Диканьки.

Пасечника зовут Михайло Прокопьевич Пронь. И хутор, между прочим, называется Прони. Не дальний ли прадед пасечника дал хутору это имя?

— Могло быть и так. Да грех обольщаться. Землю вон копнешь, глянь — черепок от времен незапамятных, когда и Проней-то не было.

Хата у Михайлы Прокопьевича старая, еще после первой мировой ставлена. Одна из немногих, которые пощадила здесь последняя мировая.

— Земля тут такая: долго все живет. И дома, и сказки тоже. И деревья, и люди. Мне вон семьдесят шестой, а Соньке... Сестро!

В дверях — женщина. Туго повязанный платок, длинный мужской пиджак перехвачен в поясе.

— Сестре-то почти сотня, чуешь? Сто лет!

— Ну и что? — улыбается Софья Прокопьевна. — Вон мать у нас и в сто десять жива была. Сядет, помню, на лавку и песни поет, теперь таких и не услышать. Да еще шутит: вот, мол, болтают — кто сильно работает, у того век короткий...

Люди здесь стареют неохотно. Видно, потому, что не щадят себя ни в делах, ни в битвах.

Потом, когда наш «АН-24» махнет крылом Полтаве и ляжет на обратный курс, Леня скажет мне, подбрасывая на ладони каштаны:

— Жаль, все-таки саженцев не достали. Но, может, эти прорастут?

...Возле бурта последних, мелких, тронутых уже заморозком кавунов стоит человек в фуфайке. Стоит и прихлопывает рукой по карману: похоже, спички ищет. Подхожу, протягиваю сигареты.

— Не палю, — улыбается.

Студеный ветер тербит пустой рукав его фуфайки. Отведет и снова хлопнет по карману.

Борис ВАХНЮК

Полтавская область, Диканька

Вольфганг Паули был стопроцентным теоретиком. Его неспособность обращаться с любым экспериментальным оборудованием вошла у друзей в поговорку. Утверждали даже, что ему достаточно просто войти в лабораторию, и в ней что-нибудь сразу перестает работать. Это мистическое явление окрестили «эффектом Паули» (в отличие от знаменитого «принципа Паули» в квантовой теории).

Из документально зарегистрированных проявлений эффекта Паули самым поразительным, несомненно, является следующий. Однажды в лаборатории Джеймса Франка в Гет-

тингене произошел настоящий взрыв, разрушивший дорогую установку. Время этого ЧП было точно зафиксировано. Оказалось, взрыв произошел именно в тот момент, когда поезд, в котором Паули следовал из Цюриха в Копенгаген, остановился на восемь минут в Геттингене.

Эйнштейн был в гостях у своих знакомых. Начался дождь. Когда Эйнштейн собрался уходить, ему предложили взять шляпу.

— Зачем?— сказал Эйнштейн.— Я знал, что будет дождь, и именно потому не надел шляпу. Ведь шляпа сохнет дольше, чем мои волосы. Это же очевидно.

Когда Нильс Бор выступал в Физическом институте Академии наук СССР, то на вопрос о том, как ему удалось создать первоклассную школу физиков, он ответил: «По-видимому, потому, что я никогда не стеснялся признаваться своим ученикам, что я дурак...»

Переводивший речь Бора Е. М. Лифшиц донес эту фразу до аудитории в таком виде: «По-видимому, потому, что я никогда не стеснялся заявлять своим ученикам, что они дураки...»

Эта фраза вызвала оживление в аудитории, когда Е. М. Лифшиц, переспросив Бора, поправился и из-

наука шутить

Рисунки КУКРЫНИКСЫ:

винился за случайную оговорку. Однако сидевший в зале П. Л. Капица глубокомысленно заметил, что это не случайная оговорка. Она фактически выражает принципиальное различие между школами Бора и Ландау, к которой принадлежит и Е. М. Лифшиц.

Академик М. А. Леонтович сформулировал «закон становления с головы на ноги». Суть его состоит в том, что «те авторы, перу которых принадлежат иногда нелепые статьи, обычно дают глубоко обоснованные и глубоко продуманные, умные критические рецензии на статьи других авторов».

Когда физика-теоретика просят рассчитать, скажем, устойчивость обычного стола с четырьмя ножками, он довольно быстро приносит первые результаты, относящиеся к столу с одной ножкой и к столу с бесконечным числом ножек. Остальную часть своей жизни он безуспешно решает общую задачу о столе с произвольным числом ножек.

Однажды Резерфорд зашел в лабораторию. Хотя время было позднее, в лаборатории склонился над приборами один из его учеников.

— Что вы делаете так поздно?
— Работаю,— последовал ответ.
— А что вы делаете днем?
— Работаю, разумеется,— отвечал ученик.
— И рано утром тоже работаете?
— Да, профессор, и утром работаю,— подтвердил ученик, рассчитывая на похвалу из уст знаменитого ученого.

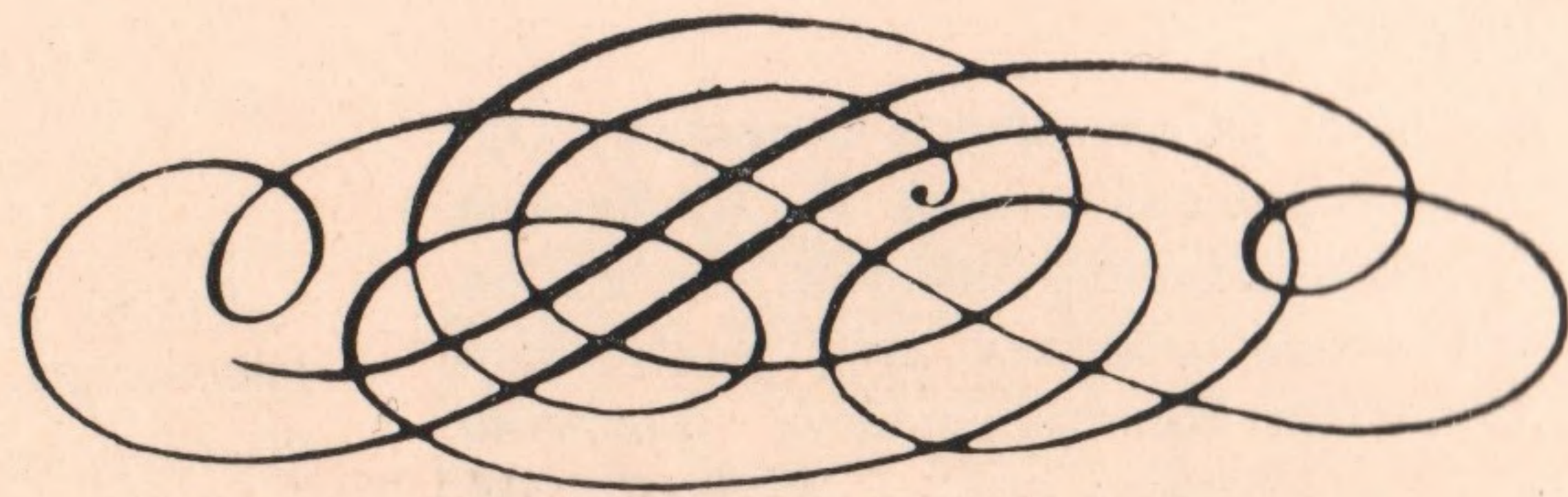
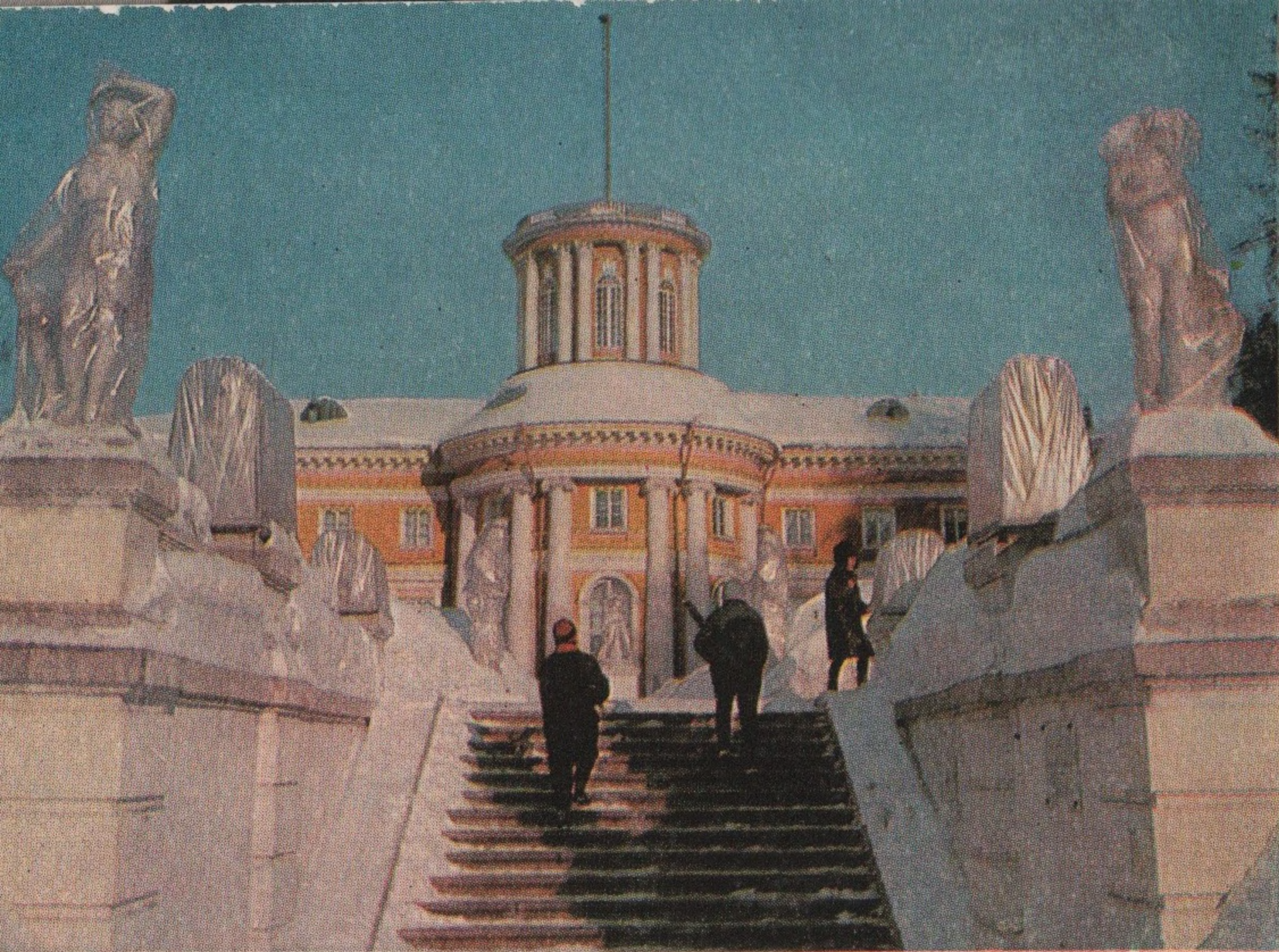
Резерфорд помрачнел и раздраженно спросил:

— Послушайте, а когда же вы думаете?

Из сборника «Физики продолжают шутить» (изд-во «Мир»).

О. Ю. Шмидт.
В. П. Ветчинкин.
А. Н. Бах.
П. Л. Капица.

21 сентября в подмосковном дворце-музее Архангельское исполнялся «Орфей» Якова Княжнина с музыкой Евстигнея Фомина. Этим спектаклем отмечалось 150-летие знаменитого театра, в котором хранятся единственные в мире четыре работы великого декоратора 19-го века П. Гонзаго. В спектакле, посвященном юбилею Театра Гонзаго, участвовала русская хоровая капелла Александра Юрлова, симфонический оркестр, драматические актеры... Фрагмент из этого представления на пятой звуковой странице.

НА ТЕАТРЕ ГОНЗАГО

«Из числа выпущенных пятого возраста учеников ...Евстигнеем Фомину, как по уставу на превосходные успехи в музыке не положено золотой или серебряной медали; однакож бывший ученик оный во все время своего воспитания и учения оказал перед многими отличное превосходство не только в своем искусстве, в котором имеет уже по природе редкие таланты, но паче всего превосходным благонравием по сие время заслужил удовольствие своих начальников, а потому всилу привилегии и устава достоин отменного признания; чего ради господину эконому и выдать ему, другим не в образец, вместо золотой медали пятьдесят рублей».

Из протокола заседания Совета Академии художеств от 5 сентября 1782 года.

22 ноября 1785 года на заседании совета Болонской филармонической Академии «...было прочтено прошение, подписанное господином ...Фоминим из России с просьбой быть произведенным в мастера композиции за границей...

Для этого он был подвергнут испытанию по обычной форме, которое он по решению господ рецензентов хорошо выполнил. Потом было вынесено решение мастеров, которое вышло благоприятным для господина просителя — семью белыми шарами и одним черным. Также было вынесено другое решение всеми гг. академиками быть ему произведенным академиком филармонии и решение вышло благоприятным для г. просителя — всеми белыми шарами».

Из приказа Петербургской театральной дирекции. 1797 год.

«По поданному Академии от профессора Евсигнея Фомина доношению, принять его в службу Театральной Дирекции по желанию к должности российской труппы, с тем, чтоб выучивать ему, актеров и актрис из новых опер партии и проходить старые; також что потребно будет переменять в музыке; сверх сего должен он учить пению учеников и учениц в школах, и ходить на дом к оперистам кто имеет клавиорты, а которые не имеют оных, то для тех быть в пробном зале в назначенные к тому дни от режиссера и на всех пробах оперных; також в случае надобности аккомпанировать в оркестре французские и итальянские оперы...»

Мелодрама «Орфей» «...несколько раз была представлена на театре и заслужила большую похвалу. Г-н Дмитриевский в роли Орфея короновал ее своею необычайною игрою. В мелодраме сей сперва была музыка Торелли, а после нашего русского г. Фомина, бывшего долго в чужих краях, который превосходным талантом своим помрачил прежнюю музыку совершенно и хотя, но всеобщему нашему сожалению, окончил течение дней своих, но в «Орфее» оставил незабвенную по себе память».

Предисловие к собранию сочинений Я. В. Княжнина за 1817 год.

Б. ДОБРОХОТОВ

Фото Н. Рахманова
и Л. Лазарева.

Я услышал о ней впервые в начале года. Тогда говорили: «Катя Новицкая — пианистка талантливая, умная, решительная. Но стоит ли в шестнадцать лет ехать на Брюссельский конкурс? Одно из самых тяжелых музыкальных испытаний... А у нее опыта мало, риск велик...»

И вот полторы недели на конкурсе. Программа труднейшая: и артистически и физически. Жюри, составленное из легендарных имен. Соперники постарше — многие из них получили призы на нескольких фортепианных турнирах. Наконец, кульминация: триумф, первая премия. Имя шестнадцатилетней пианистки Кати Новицкой произносит весь музыкальный мир.

А интересно: мечтала ли она о славе, о признании, о парадной стороне артистической жизни?

— Когда мне было лет восемь, я думала об этом, а уже лет с десяти, по-моему, нет,— говорит Ка-

тя.— Тогда пришлось немного поиграть в различных залах, и это не казалось таким уж праздничным.

Так было в детстве; впрочем, в шестнадцать детство ушло не очень еще далеко. Что же это в шестнадцать — концерт? Праздник или работа?..

— Если публика отзывчива, чутко воспринимает музыку, то праздник, а если приходится играть перед людьми, которым музыка противопоказана, то концерт — тяжелейший труд. Времени мне всегда не хватало. Занимаюсь я на рояле часов шесть — восемь. А еще в школе уроки были... Теперь семинары, лекции в консерватории... Я едва успела туда поступить, и пришлось из-за конкурса экзамены отложить на осень.

...А было ли у нее детство? С играми в «классики» на школьном дворе, с собиранием фантиков, с хихикающими подругами в белых воротничках?.. В начальных клас-

сах школы педагог попросил ее разобрать для следующего урока прелюдию и фугу Баха. Она принесла шесть. И играла их абсолютно концертно.

— Я радовалась. Все получилось так легко, так просто. Радость, если говорить о ней серьезно, всегда в том, что получилось просто и хорошо...

Теперь, как концертирующая пианистка, она должна постоянно ограничивать себя: если у нее завтра выступление, то она не может, например, засидеться с друзьями допоздна. Катя должна постоянно думать о форме не только пианистической, но и физической, душевной. А не кажется ли ей, что в ее жизни, когда избрала она своей профессией музыку, все-таки произошло где-то досадное самоограничение?

— Да нет, пожалуй. Я думаю, это все настолько интересно, что даже ограничение здесь приносит пользу.

Анатолий АГАМИРОВ

**СПРАВЕДЛИ
ВОСТЬ
МУЗЫКИ**

Но профессия артиста, музыканта — путь торный. Катя это уже познала.

— Справедливость музыке необходима. Но теперь ни один мой ровесник не получит эстраду без лауреатского звания. А международный конкурс — лотерея. Палец соскользнул с клавиатуры, и ты не будешь играть для публики, до следующего конкурса, во всяком случае. Поэтому я в них больше участвовать не хотела бы...

Ей пришлось трудно на конкурсе и после него. Пришлось два месяца выходить на сцену в знаменитых залах Европы, выходить, предельным усилием воли заставляя себя брать первый аккорд. Мужество — это к Кате Новицкой как-то неприменимо. Что же тогда? Решимость таланта, сила духа? А может быть, нужно искать здесь иное?

— Люблю подмосковный лес и одиночество в нем. Люблю вот такое состояние, как сейчас. Когда немного тревожно... И ожидание чего-то хорошего, настоящего. Ожидание счастливого конца для меня уже счастье. Как у Скрябина: после всех взлетов и падений — простой, белый, до-мажорный аккорд.

— Вы счастливы сейчас?

— Да.

— А почему?

— Теперь я буду давать концерты, а, собственно, в этом моя жизнь. Может быть, поэтому.

И были концерты. Много, много концертов Кати Новицкой. Шесть минут одного из них вы услышите на пластинке. Прозвучат «Сарказмы» Прокофьева в исполнении Новицкой. Весной она их играла совершенно иначе, чем потом, после брюссельской победы. И еще множество перемен впереди. В ней самой, в публике, в том, что есть слава. Останется всегда, наверное, ожидание счастливого конца, которое для человека уже счастье.

Фото Л. Л а з а р е в а

Слушайте
четвертую звуковую
страницу журнала.

Кумыкская сказка

Был однажды спор: кто сильнее? А спорили между собой лед, солнце, туча, земля, трава, баран, волк, пастух, мышь и кот.

Спорщики оказались разумными и скромными, чего, однако, не скажешь о коте. А почему, поймешь сам.

Лед говорит:

— Я очень крепок. Пожалуй, крепче камня. Но я слабее солнца: под его лучами я таю.

А солнце говорит:

— Во мне очень много силы, но подчас я не могу пробиться сквозь тучу.

Туче показалось, что она всех сильнее, да вспомнила, что превращается в дождевые капли и поглощает те капли земля.

А земля говорит:

— Туча права, но я прорастаю травой. Трава сильнее меня!

— Может, я и сильнее всех,— говорит со вздохом трава,— но меня безжалостно выщипывает баран.

Баран говорит:

— Что правда, то правда — люблю траву. Но вот беда: боюсь я волчьих зубов.

Волк прорычал:

— А я боюсь пастуха.

— Я очень силен,— сказал пастух,— но ничего не могу поделать с маленькой мышью. Она портит мой музыкальный инструмент, перегрызая струны, сделанные из бараньих жил.

Мышь говорит со вздохом:

— Сильнее меня кот.

Все обратились к коту и ждут, что он скажет, кто же окажется сильнее его. А кот говорит, усмехаясь:

ХИТРЫЙ КОТ

— Я всех сильнее. Зубы у меня как железные, и холода я не боюсь: смотрите, какая на мне шуба.

— А что ты делаешь в жару?— хором спросили его лед, солнце, туча, земля, трава, баран, волк, пастух и мышь.— Разве ты сбрасываешь свою шубу?

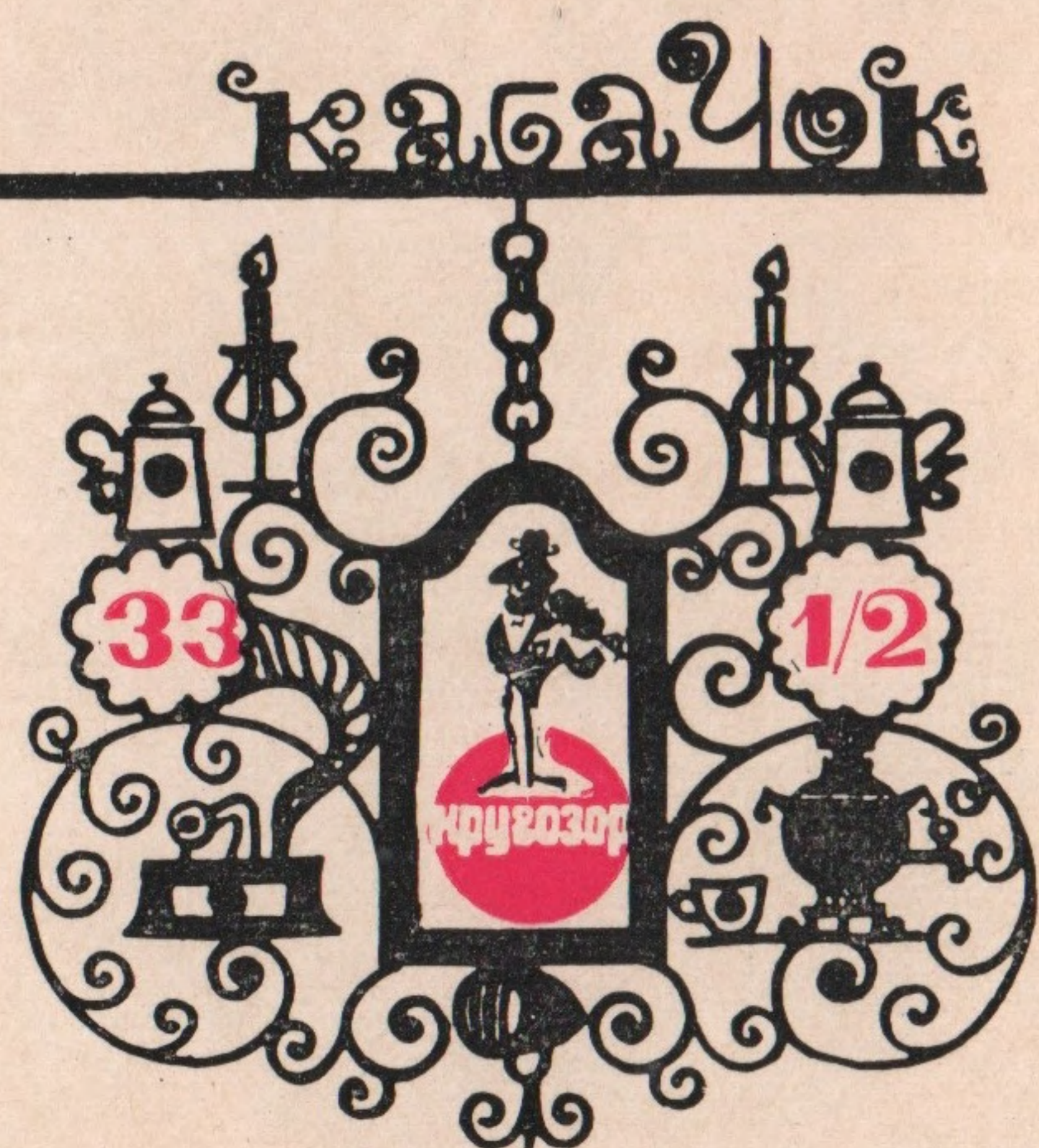
— А зачем ее сбрасывать?— отвечает кот.— В жаркую пору я сажусь на тахту, устланную ковром, и с удовольствием кручу свой собственный ус.

И как это ни странно, наглый кот оказался сильнее всех.

Пересказал
Георгий ГУЛИА

Гравюра В. Сухомлинова.

*Участников Сочинского фестиваля
О. Сорокину (СССР),
А. Добоша (Венгрия),
П. Христову (Болгария)
Зиновий Гердт представляет на 11-й
звуковой странице.*

Наконец-то мы снова вместе! Как же долго мы не встречались здесь, на стационаре. Ведь, как вы помните, наш «Кабачок» колесил по Польше и Болгарии, завязывая свои песенно-международные связи. И вот мы снова дома, но, как мне ни жаль, я вынужден вас огорчить: сегодня «Кабачок» закрыт для широкой публики. Все места арендованы участниками Сопотского и Сочинского фестивалей, так что вам остается полюбоваться красивыми видами этих всемирно знаменитых курортов и сквозь едва просвечивающие гардины с завистью подсматривать чужое веселье. Еще раз сожалею, но не властен ничего изменить. А правды ради должен вам сказать, что теряете вы много. Очень много. Какие там певцы, боже ты мой! Какие певцы!.. Ну, чтобы вы имели кое-какое представление, что вы теряете, могу вам сказать одно: красавицы и красавцы, украсившие эту страницу, отобраны по принципу «от обратного»...

*Певцы Сопота —
Траверси (Швейцария),
Ромуальд (Люксембург),
Шипиньска (Польша) —
в нашем «Кабачке»
ча 12-й звуковой странице.*

Понятно?.. Прямее, популярнее я ничего не скажу...
Ну, сосредоточьтесь: «Красавицы»... Ну? «От обратного...» По-
нятно?..

В третий раз прошу вас принять самые искренние сожаления.
Я уверен, что вы люди воспитанные и не станете стучаться в дверь,
на которой ясно написано: «Мест нет».

Итак, до следующего раза!
С уважением З. ГЕРДТ.

P. S. Но для тех, кто все же отважится постучаться, сообщаю ад-
рес: звуковые страницы одиннадцатая и двенадцатая.

На снимках А. Лидова: Аквелина Северин (Румыния), Ольга Сорокина
и Вольдемар Куслап (Советский Союз), Иоланта Борусевич (Польша),
Жужи Мари (Венгрия).

НОВО ГОДНИЙ РАССКАЗ

Виктор
НЕКРАСОВ

Гравюра
Ю. Космынина

Так проходит декабрь — тихий, снежный, с бесконечными вечерами и мохнатыми, точно плющом обросшими, белоснежными окнами.

Незаметно и Новый год подобрался. Новый год... Где я его встречал в последний раз? В Пичуге, что ли? В занесенной снегом Пичуге, на берегу Волги в запасном батальоне. Я дежурил тогда по батальону. Дремал над телефоном. Караульный начальник позвонил, и поздравил, и счастья пожелал. Вот и все. Помню только, что был сильный мороз, и луна в ореоле, и ноги мерзли...

А еще год назад где? В Киеве. У Люси. Народу совсем немного было. Человек пять или шесть. Я, Люся, Толька Янсон, Венька Любомирский, Лариса и Люба. Мы пили Абрау-Дюрсо, ели хрусты и струдель с маком. Потом играли в шарады, и почему-то было страшно весело и смешно. А потом взяли у соседского мальчика санки и чуть не до самого утра катались с Нестеровской горки, пока у санок не отскочили полозья...

Толька, Венька, Люся, Лариса, Люба... Где они сейчас? На фронте, у немцев или в тылу? Неизвестно... Все порвалось, точно ножом обрезал кто-то... Что там в Киеве сейчас? Живы ли мои старики? С чего они живут? И как живут? И можно ли это назвать жизнью? Продают понемногу вещи... Стоит где-нибудь мама на базаре с моим старым пальто или ботинками и ждет, когда какая-нибудь сволочь сунет ей пару червонцев. А ведь ей шестьдесят пять лет. Сорок пять из них она отдала работе — сорок пять лет лечила людей, а сейчас вот не знает, вероятно, на что дров купить или пшена. И самой порубить дрова надо, и воды принести — подумать только — на пятый этаж тащить ведра, и за бабушкой ухаживать. Бабушка, правда, всегда молодцом была и до последнего времени сама на базар ходила, но восемьдесят семь лет все-таки восемьдесят семь, а не двадцать. Две женщины, две старые женщины совсем одни. А кругом чужие, наглые лица... А может... Нет... Зачем им старики, зачем им женщины? Не может быть... Не должно быть...

А мы, черт, здесь, в госпитале, за тысячу километров, жрем булку с маслом, и Седых раздобыл где-то самогонку и возится чего-то за столом, чего-то нарезает, сервирует...

— Чего загрустил, Керженцев, а?

Никодим Петрович подсаживается и обнимает за плечи.

— Да так, капитан, взгрустнулось чего-то. О доме вспомнил.

— О доме...— Он качает головой и привычным жестом поглаживает лысину.— А где ваш дом?

— В Киеве.

— Да-да-да, вы говорили. Мать, кажется, у вас там.

— Мать, бабушка. Старушки. Совсем одни.

— М-да.— Он опять поглаживает лысину.— А у меня вот и дома даже нет. Все немцы уничтожили. И дом, и жену, и двух детей. Один сын только остался — танкист, майор...

Впервые я вижу Никодима Петровича неулыбающимся.

— Как же они погибли?

— Да что рассказывать?... Погибли, и все... Одна бомба, и все... Ни жены, ни детей... никого...

Он порывисто встает и выходит в коридор.

Ларька лежит на койке и брэнчит чего-то на мандолине. Бояджиев тоже лежит, насвистывает. Один Седых возится. Из Москвы передают эстрадный концерт. В печке уютно потрескивают дрова.

— Ну что, будем начинать, товарищ лейтенант?

Седых смотрит на меня вопросительно.

— Да, да... Будем начинать... Ларька, Бояджиев! Отставить концерт! Скоро двенадцать... Никодим Петрович... Товарищ капитан! Сбегай, Седых, он в коридоре, должно быть...

Потом мы пьем крепкий до обалдения самогон и закусываем разогретой свиной тушенкой и холодными, как лед, солеными огурчиками.

— На передовой салют, вероятно, по фрицам дают...— мечтательно говорит Ларька, разливает самогон и прячет бутылочку под стол.— С Новым годом поздравляют...

— С Новым годом поздравляют...— как эхо, повторяет Никодим Петрович и встает. Лицо его серьезно, глаза не смеются, и стакан в руке чуть-чуть дрожит.— Разрешите мне, друзья, тост провозгласить... Так уж завелось...

— Просим, Никодим Петрович...

— Давай, давай, капитан... Чего-нибудь такое, заковыристое.

Ларька, по-моему, уже пьян: глаза блестят...

— Нет, не заковыристое.— Никодим Петрович держит стакан высоко над головой и смотрит куда-то, не то в окно, не то еще дальше куда-то.— Мне хочется выпить, друзья, за то...— Голос его чуть вздрагивает.— Вот мы с вами лежим в этой палате... Я, Керженцев, Бояджиев, Ларька, Седых... Разные все люди. Я вот старик, а Ларька и Седых совсем еще дети... И жили мы как-то, каждый по-своему... У каждого были свои интересы... Один дома строил, другой на сцене выступал — глаголом, так сказать, сердца зажигал, третий — не знаю что там на заводе — напильником работал... А я вот считал. Сорок лет считал... А по вечерам в шахматы с сыном играл, в театр ходил, двух инженеров вырастил... Одним словом, каждый из нас с вами по-своему жил. А вот случилось, и собралась мы все в этой палате, чужие, незнакомые люди... И дома наши где-то далеко... И в них, может быть, даже немцы...— Он проводит рукой по

лысине.— Отвык пить. Голова немного кружится... Простите... Но я хочу сказать, что мы вот скоро месяц как живем в этой палате... И мы никогда не говорили о том, что у нас там, в самой глубине... На сердце... Мы смеемся, шутим, ворчим, кричим иногда друг на друга, ругаем часто начальство, всяких там старшин и интендантов. Но все это где-то сверху, на поверхности... А внутри одно, одно и то же, одно и то же... Сверлит, сверлит... Одна мысль. Только одна: прогнать их к черту! Всех до единого... До единого... Правда?

Голос его опять вздрагивает. Он останавливается, обводит всех нас глазами...

Ларька, раскрыв рот, не сводит с него глаз...

— Нескладно что-то у меня получается... По-газетному как-то... Но вы понимаете меня, правда? Так вот... Странный мой тост будет... Обычно говорят: дай бог нам встретиться следующий раз в этой же компании. А я вот наоборот... Я хочу выпить за то, чтоб первый Новый год после войны каждый встречал у себя дома, со своей семьей, со своими друзьями и чтоб... Ну, вот и все... Давайте выпьем. И чтоб скорей этот год пришел...

Ларька ловко перескакивает на своей единственной ноге через кровать и крепко, прямо в губы целует Никодима Петровича.

— Мировой старик... Ей-богу, ми-ировой.

Мы чокаемся и выпиваем. Минута молчания. Все жуют... И вдруг над самым ухом раздается такой знакомый, такой приятный голос:

«...В результате успешного прорыва и наступления наших войск в районе Сталинграда окружены следующие соединения и части немецких войск: 14, 16 и 24-я немецкие танковые дивизии...»

— А ну, подкрути, подкрути, Седых...

«...3-я дивизия «Равенна», 3-я дивизия Челлера, 5-я дивизия «Кассерия», 1-я бригада чернорубашечников...»

— Здорово, черт возьми!

А Левитан свое:

«...А всего по всем трем этапам, за шесть недель, с 19 ноября по 31 декабря, освобождено 1 589 населенных пунктов, убито 175 000 солдат и офицеров противника, взято в плен 137 650... самолетов 4 451... автомашин 15 049...»

Ларька прыгает на одной ноге и размахивает костылем:

— 15 000 автомашин! Подумать только... 15 000...

Опять наливаем. Опять чокаемся.

— Вы что, с ума сошли? — В дверях Варя. Взгляд испуганный.

— На, пей...— подскакивает Ларька.— Ты представляешь, что это значит, Варечка... 15 000 машин... 137 000 пленных.

— И еще 650.— Никодим Петрович наливает себе еще один стакан и залпом выпивает.— Пить так пить. Давай поцелуемся, Варечка...

От автора: На этом кончается не вставленная мною в книгу «В окопах Сталинграда» глава, посвященная пребыванию Керженцева в госпитале. Сейчас же позвольте на пластинке уже рассказать вам о том самом Киеве, о котором вспоминает Керженцев, о самой любимой им (и мною) улице его (и моего) родного города.

Леонид
ЛИХОДЕЕВ

ТОСТ

История, рассказанная
народным артистом СССР
Аркадием Райкиным

Накануне Нового года я оказался в далеком новом городе. Несколько молодых ученых, с которыми я подружился во время командировки, с шумным радушием позвали меня в гости встречать Новый год. «Будут только свои. Будет доктор Миша, кандидат Саня, аспиранты Катя и Володя. А собираемся мы у члена-корреспондента Вити. Вы знаете, наш теоретик».

Компания подобралась такая, что я не отказался бы от нее и не будучи в командировке. Я поблагодарил и пришел.

С порога я услышал голос: «Проходите, дорогие гости. Проходите. Снимайте ваши пальто, шубы, ушанки, шляпы, косынки, рукавички, варежки, перчатки. Эх, давно я мечтал побывать среди нашей замечательной молодежи, которая двигает вперед науку.

Сюда ботики становьте, протрите очки, чтобы лучше меня видеть. Это как раз я буду. Кто-кто? Кореш я буду Витькин, Витюхин, земляк Виктора Васильевича. Он — академик, а я выше его живу, с девятого этажа, как снег на голову. Давайте вашу ручку, будем знакомы. Холодная ручка. А это кто же, жена ваша будет? Или только на лестнице познакомились? Значит, в гости пришли? Это хорошо. Моя молодежь в своей компании нонеча Новый год встречает, а меня вытурили к академику в гости. И вот, дорогие ученые, я среди вас, с самого верха, как говорится. Шляпку можно сюда, на гвоздик.

Я ему говорил Витьке, Витюхе, Виктору Васильевичу, как академику, что вешалку надо прибивать подальше от двери, а то, не ровен час, пальто свистнуть могут. Хорошо, если чужое, а ежели свое?

Во, опять звонок...»

ПЕЛЕ:

ПРОБА

ГОЛОСА

Молодой бразильский композитор Эдсон Арантес до Насименто... Услышав его песни, вы, безусловно, отметите погрешности против гармонии. Вы, наверное, также заметите, что и как певец Эдсон не отличается, скажем прямо, выдающимся дарованием. И все же мы предлагаем вам его песни, рекомендуя не судить их слишком строго, потому что песни — это всего лишь одно из увлечений Эдсона. Музыке он посвящает недолгие минуты, остающиеся от других занятий, принесших ему куда большую мировую известность.

Его второе имя — Пеле.

В семнадцать лет Пеле стал самым молодым в истории футбола чемпионом мира, в двадцать один — самым молодым двукратным чемпионом. Остальные его титулы просто невозможно перечислить: двукратный чемпион Южной Америки, пятикратный чемпион Бразилии, десятикратный чемпион штата Сан-Пауло... В «Сантос» Пеле пришел десять лет назад. За это время он забил 850 голов, принял участие в тысяче матчей. В сезоне 1959 года он забил 129 голов, обогнав всех футболистов по количеству мячей, забитых за один сезон.

Однажды Пеле забил восемь мячей в одном матче. В четырех играх он забивал по пять голов, а в восемнадцати заставлял вратарей вынимать мяч из сетки четырежды. Некоторые его футбольные подвиги стали легендой. Например, игра с «Флуминенсе» в 1959 году: получив мяч из рук

вратаря Жильмара в своей собственной штрафной площадке, Пеле прошел с ним через все поле, обыграв последовательно всех игроков противника, и вкатил мяч в пустые ворота.

В матче с «Жувентусом» Пеле, получив высокий пас в штрафной площадке противника, обыграл четырех защитников и вратаря, жонглируя мячом в воздухе.

Человек, который забивает такие голы, имеет право на бессмертие, утверждают бразильцы. Поэтому нет ничего удивительного в том благоговении, которым окружено во всем мире его имя. Захлебываясь от восторга, биографы рассказывают о том, как в одной африканской стране день матча с участием Пеле был объявлен выходным... О том, как в перуанской столице Лиме болельщики, узнав в перерыве, что тренер «Сантоса» решил заменить во втором тайме Пеле, начали разгром стадиона. Они успокоились, когда кумир, уже принявший душ и переодевшийся, выскочил вновь на поле, поторапливаемый полицией, утратившей контроль над зрительскими страстями...

Но ошибок ему не прощают. Как-то мы были на одном из матчей, проигранных «Сантосом». Я сидел среди «торсиды» Пеле, которая отпускала в адрес кумира весьма нелестные реплики. Вообще это было несправедливо. Потому что нет, вероятно, в бразильском футболе игрока более эксплуатируемого, чем Пеле... По мнению Гослин-

га, доктора сборной, Пеле просто не успевает восстанавливать силы между матчами, тренеры вновь бросают его в бой. А ведь ему на поле приходится труднее, нежели любому другому игроку «Сантоса» или бразильской сборной.

...Десять лет прошло с тех пор, как босоногий чистильщик ботинок превратился в самого известного бразильца нашего времени. Но те, кто знал его все эти десять лет, утверждают, что сам-то он — Эдсон Арантес до Насименто — не изменился... Громкая слава, богатство, вопли болельщиков, суэта подобострастно-развязных репортеров, встречи со знаменитостями не изуродовали этого парня, воплощающего в себе доброту, веселость, общительность, презрение к чванству...

Когда я спросил Пеле, может ли он считать, что добился всего, о чем мечтал, футболист рассмеялся и сказал:

— Нет, я еще не сделал одной вещи: ни разу мне не удалось забить мяч с центра поля тотчас же после свистка судьи, в начале игры...

Para os leitores de a
revista КРУГОЗОР com
abraço do,
Edson
29 8 68

— Ну, а если говорить серьезно?

— Я мечтал играть в футбол, и... вроде бы получается... Я женился на девушке, которую любил и люблю, и у нас родилась дочь... Надеюсь, скоро у нее появятся братья и сестры. Кажется, лучшего и желать нельзя, но все же я еще не могу сказать, что добился всего, к чему стремился и стремлюсь. Мне еще нужно сделать самое главное: вырастить и воспитать моих детей...

И. ФЕСУНЕНКО,
собственный корреспондент
Всесоюзного радио
Рио-де-Жанейро

Автограф Пеле: «Читателям «Кругозора»
с наилучшими пожеланиями».

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой
странице обложки:
Новый год
приходит
с Дедом Морозом.
Фото
Н. Свиридовой.

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
А. Луцкий.
Технический
редактор
Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:

Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
233-73-94, 233-74-59.

Б 03342. Подп. к печ.
14/XI 1968 г. Формат
бумаги 84×108^{1/16}.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 300 000 экз.
Зак. 3110. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Слушайте
в
номере

1. Песенный дневник Арктики. Автор — Ю. Визбор.
2. Театр Кругозор. Из Гарсиа Лорки. Читает Вячеслав Сомов. Музыкальное сопровождение — А. Кузнецов (гитара).
3. Путешествие по улице детства. Репортер «Кругозора» — Виктор Некрасов.
4. Брюссель-68: Екатерина Новицкая. Исполняются «Сарказмы» С. Прокофьева.
5. Премьера через два столетия. Музыкальная трагедия Е. Фомина и Я. Княжнина «Орфей». Исполнители: В. Коняев, Н. Дробышева, хор и оркестр.
6. Пеле — центрфорвард с гитарой.
7. «От прежних дум, от прежних лет...» Репортаж с хутора близ Диканьки.
8. «Проходите, дорогие гости!» Новогодний тост Аркадия Райкина.
9. Танцы в ночь под Рождество.
10. Песенные премьеры. В. Баснер, М. Матусовский. «С чего начинается родина» (из к-ма «Щит и меч»); Я. Дубравин, Я. Голяков. «Встречу тебя». Исполняют: М. Бернес, Г. Юхина.
- 11—12. В «Кабачке 33^{1/2} оборота» — победители фестивалей в Сочи и Сопоте: О. Сорокина (СССР), А. Добош (Венгрия), П. Христова (Болгария), А. Траверси (Швейцария), Ромуальд (Люксембург), У. Шипиньска (Польша).

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

Веслав БРУДЗИНЬСКИ

Входи в историю на собственный счет!

Не совершай великих дел, пока не знаешь состава жюри.

«Шесть персонажей в поисках автора» ...Опять написал что-то неподходящее.

Временами актеры кричат: «Занавес!», — так как уже не в силах больше видеть зрителей.

Не беги от действительности — все равно будешь задержан на границе воображения.

Над ним собираются грозные тучи... фимиама.

Никогда не знаешь, что открываешь Америку. Колумб тоже не знал.

Многие считаются индивидуалистами, так как в темноте они отбились от стада.

Карту мира меняют открыватели и скверные печатники.

На щекотливые вопросы следует отвечать до того, как их зададут.

Не мог определить, что в бутылке, и на всякий случай приклеил этикетку: «Внимание! Отравла!»

Спросили поэта, хотел бы он жить в другую эпоху. «Нет, — ответил поэт, — я не хочу обеднить эпоху, в которой живу».

Диктуй неразборчиво, чтобы оставить за собой право решить потом, кто сделал ошибку.

Иногда только по вкусу жаркого узнаешь, что это был волк в овечьей шкуре.

Если отучишься ходить пешком, трудно тебе будет войти в историю.

У ПЕГАСА ДОЛЖНО БЫТЬ

Постарайся быть художником также и в искусстве!

Нужно иметь не только чувство такта, но и чувство факта.

Этот работает в три смены — взглядов.

Робинзоны! Берегитесь своих ахиллесовых Пятниц!

При смене декораций развалили театр.

Автор афоризмов — человек, радующийся, как ребенок, когда ему удалось придумать что-нибудь такое, что, по всей вероятности, было уже народной мудростью финикийцев.

Стыдно! Пора уже обанкротиться, а ты еще ничего и не приобрел.

ЛОШАДИНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Подчиненный — человек, который должен изъясняться кратко.

Дальняя прогулка: от слов пришел к делам и вернулся уже к иным словам.

Не фамильярничай, не называй вещи их именами!

Он испугался воробья, но потом утверждал, что это был орел.

Фальшивый мессия, фальшивый Иуда и, что хуже всего, фальшивые 30 сребреников.

Перевод с польского Вл. Приходько.

Рисунки
Ю. Красного.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПАНОРАМА
«КРУГОЗОРА»

*Неба родного мне
чудятся ласки...*

Афанасий Фет

Цена 1 руб.